

Наше оружие — слово

Девушка Лето

Сергей Ходосевич

Девушка Лето

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Девушка Лето / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989667-4

Традиционный сборник группы ВК «Наше оружие — слово» открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что-то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван по одному из стихотворений, размещенному здесь, представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать, где-то в тени от летнего зноя или в тишине ото всех домашних дел в уютном кресле.

ISBN 978-5-44-989667-4

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

От редактора	6
Марат Валеев	7
Роза среди водорослей	7
Внук влюбился...	9
Невидаль на Долгом	11
Ива	12
Пиши, Марат, пиши!..»	14
Александр Витковский	16
Я буду	16
Ты навсегда со мной	17
Наш романс	18
Лара Голубь	19
Мастер – Лето	19
Оксана Довгунец	21
Передышка	21
Шрамы	22
Бессонница	23
Запретное желание	24
Распутье	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Девушка Лето

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4498-9667-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

<https://vk.com/club188576710>

Традиционный сборник группы Наше оружие слово ВК открывает читателю новые имена и продолжает знакомить с творчеством завсегдаев нашей литературной группы. Проза и поэзия на любой вкус, где каждый сможет найти что то родное для себя, что всколыхнет душу. Сборник, что назван по названию одного из стихотворений, размещенного здесь, представляет собой капустник из творчества наших авторов, который всегда захочется прочитать, где то в тени от летнего зноя или в тишине от всех домашних дел в уютном кресле

Марат Валеев

Роза среди водорослей

Теплым июньским днем мама отправилась ополоснуть постиранное дома вручную (это были 60-е годы, и деревня жила еще бедно, не у всех были даже сепараторы, что уж говорить о стиральных машинках) «под гору», на Ручьинку. Сейчас от нее, по-моему, уже и следа не осталось, а в те годы Ручьинка — небольшая протока, соединяющая систему пойменных озер с Иртышом, в половодье была местами шириной метра в два и глубиной до метра и более, и на ней даже можно было на удочку ловить чебаков, что я, кстати, неоднократно и делал.

Эта располагавшаяся неподалеку от озера Кругленькая ямка Ручьинка была с чистой, проточной, водой, чем и привлекала пятерых женщин для постирушек. С мамой на Ручьинку увязалась и наша младшая сестренка Роза. Было ей тогда года четыре. Хорошенькая, озорная, с вьющимися до плеч золотистыми локонами, она была нашей всеобщей любимицей, что вполне объяснимо для трех братьев и, конечно, родителей, так долго ждавших, все почему-то не получавшуюся, девочку.

Правда, пацаны, которым потом пришлось по очереди нянчиться с сестренкой, вместо того, чтобы «фестивалить» по деревне и ее окрестностям со своими сверстниками, несколько к ней охладели, но любить от этого ее, конечно, не перестали и неукоснительно следили за тем, чтобы ни один волосок не упал с ее кудрявой головки. Но в тот раз нас с мамой почему-то не было – наверное, купались на озере или рыбачили на Иртыше.

Пока мама развязывала узлы с принесенным бельем, Роза, звонко смеясь, бегала по заросшему молодой зеленой травкой бережку за бабочками и стрекозами. Мама время от времени строго окликала доченьку, чтобы та слишком далеко не убегала и слишком близко не подходила к воде. Затем она принялась за работу, на какое-то время увлеклась, а когда как-будто кто-то ее подтолкнул, резко обернулась снова посмотреть на Розу, ее нигде не было видно.

Мама выпустила белье из ослабевших рук, вскочила на ноги и тут же выхватила обострившимся зрением ужасную картину. Метрах в трех-пяти от нее, в струящихся от быстрого течения уходящей с озер воды зеленых водорослях, она разглядела вьющиеся Розины волосы. Сестренка наша была под водой, и течение уносило ее все дальше!

От страшного маминого крика содрогнулась, наверное, вся округа. Мама в несколько прыжков подскочила к этому ужасному месту и плюхнулась в воду. Ей воды там было всего-то по пояс, но свалившаяся с берега Роза ушла в нее по макушку. Мама схватила ее за волосы, подняла голову с вытаращенными глазенками из воды, а затем уже подхватила все легонькое тельце на руки.

К счастью, Роза не успела захлебнуться. Она прокашлялась и громко заплакала. А с ней рыдала, прижимая ее к своей груди, мокрую и такую родную, которую она только что чуть не потеряла, наша бедная мама...

Роза, дорогая моя сестренка, ты наверняка прочитаешь эти строки. Извини, что я вновь тебе напомнил о тех страшных минутах (если ты, конечно, помнишь тот случай). Но я не мог не рассказать эту историю – с той лишь целью, чтобы лишний раз напомнить всем, что за детками нужен глаз да глаз. Иначе мало ли что может случиться...

Внук влюбился...

Случилось это, когда Игорешке было четыре года. Подруга жены Катерина уезжала с детьми к маме, в Алтайский край. У нас оставляла для присмотра своих питомцев – двух шиншилл Шушика и Шушу. Забавные зверьки, хотя и диковатые.

Игорешка все хотел на них посмотреть, да как-то не срослось, не привезли его родители: то он сам болел, то бабушка ходила простывшей (очень дождливо и сыро у нас нынче было).

И вот Катерина вернулась со своего Алтая. Гостинцы нам, между прочим, привезла в благодарность за своих шиншилок – меду баклажку, баночку огурцов чудного посола да большущий кабачок. Ну и вот, сидят они с моей женой на кухне, треплются о том, о сем. И тут звонок. Игореша. Ну, поговорили мы с ним с минутку, и он затребовал бабу Свету.

– Она занята сейчас, – говорю. – У нее гости. Лучше бы я этого не говорил. – А кто? – тут же начал сгорать от любопытства Игореша. – Ну, тетя Катя, – поясняю. – Это ее шиншиллки у нас жили. Сейчас она приехала забрать их. – Посиму? Я же их иссе не видел! – негодует Игореша. – Ну, она же хозяйка этих шиншилок, – терпеливо втолковываю я ему. – Вот и забирает. – А позови тётю Катю! – попросил он. – Я с ней поговорю... – Ну вот еще, – запротестовал я. – Вы же не знакомы.

– Тетя Катяяяя!!! – вдруг во всю мочь завопил в трубку Игорь. У меня даже в ухе зазвенело. Вот поросенок. Точно так же он добивается от меня бабы Светы, когда та занята и не всегда сразу может подойти к телефону.

Когда он так орет, я выставляю трубку перед собой, и Светка прекрасно слышит нетерпеливый вопль любимого внука хоть из кухни, хоть из спальни, хоть, извините, из туалета, и бежит, теряя тапочки. Вот и в этот раз трубка продолжала голосить, пока я не выставил трубку по направлению к кухне. Там замолчали.

– Игорешка? – спросила Светка, выйдя с кухни. – Ну, только он не тебя, а тетю Катю требует. – Зачем она ему? – удивилась Светка. – Познакомиться хочет, – сообщил я ей.

Светлана взяла аппарат и понесла его на кухню, волоча за собой шнур и бормоча в трубку: – Здравствуй, здравствуй, рыбка моя! Все, все, не кричи только, я уже иду к тете Кате... Тетя Катя, поговори, пожалуйста, с Игорешей!

Я опять уткнулся в компьютер и почти не прислушивался к тому, что происходило на кухне. Но время от времени раздающийся оттуда заливистый смех Катерины, конечно, не мог пройти мимо моего слуха.

– Чудо – не ребенок, – заключила она после разговора с Игорешкой. Да с тем вскоре и уехала домой со своими шиншиллами. А для нас с того момента все только началось. Мы не знаем, чем так покорила Катерина нашего внука: голосом ли своим мелодичным, смехом ли серебристым, тоном доверительным, а может всем вместе, но теперь каждый телефонный звонок Игорешки к нам начинался с вопроса: – А где тетя Катя? Позови ее, хосю с ней поговорить...

И так неделю! Мы ему пытались объяснять, что тетя Катя у нас не живет, у нее свой дом, своя семья – муж там, дети, работа, заботы. Но Игорешка ничего этого брать во внимание не хотел. Парень явно втрескался в Катерину (хотя как это можно – в четыре-то года?). Он так и говорил: – Люблю тётю Катю! Хосю, чтобы она приехала ко мне жить... – Не может она тобой жить, Игорь, у нее муж есть, она с ним живет, – уже в который раз отговариваю я внука от его затеи жить с чужой, незнакомой тетей.

Это буквально выводит Игоря из себя. – У меня есть месь! Я залублю этого муза! – кричит он в трубку. От его слов в ужас приходят взрослые и на том, и на этом конце провода. Парня явно надо ограничивать в просмотре современных мультиков. Трубку у меня берет Светлана, и после увещательной беседы Игорь соглашается оставить мужа Катерины в живых. Но Катю он у него все равно заберет и увезет ее жить на дачу. Требует, чтобы бабушка назвала ему номер телефона тети Кати, чтобы он смог сообщить ей о своем мужском решении.

Светлана говорит, что у тети Кати нет домашнего телефона, хотя он, конечно есть. И я ее понимаю. Если Игорь нам на дню названивает до десяти раз (как-то подсчитали), и требует, чтобы мы с ним «лазговали», и мы «лазговаливаем», сменяя друг дружку, то уж тетю Катю, которую наш внучок так внезапно и пылко полюбил, он же просто затерроризирует своими телефонными звонками, и Светлана рискует потерять подругу.

Потом Игорь говорит, чтобы к телефону подошел я. Светлана с облегчением передает раскаленную трубку мне, а сама спешит на кухню: пора бы уже и обед подогреть. Игорь заговорщицки шепчет мне: – Деда, баба мне не дает телефон тети Кати. А я хосю с ней лазговаливать!

Это мне начинает надоедать. Женишок нашелся! Я повторяю, что баба Света не дала ему тетикатин номер потому, что у нее нет домашнего телефона, а есть только мобильный...

– Деда, подожди, никуда не уходи, я схозу покакаю, а потом ты мне сказись тетикатин мобильный телефон! – возбужденно кричит Игореша. Блин, вот попадалово, а?

– А чего это я должен тебя ждать? Что мне, больше делать нечего? – пытаюсь я «соскочить» с этого и в самом деле уже изрядно поднадоевшего мне разговора про тетю Катю, будь она неладна. Конечно, можно было бы просто бросить трубку, но это же некорректно. Да и доктор Спок не позволяет. – А ты тозе сходи покакай! – милостиво разрешает мне внук.

Я вот что решил, пока Игорешка ходит там по своим неотложным делам: дам-ка я ему все же номер мобильного телефона Катерины. Может, не запомнит – там же вместе с восьмеркой одиннадцать цифр, а не семь, как у домашнего. Хотя, с другой стороны, где семь, там и одиннадцать. Парень-то растет...

И ведь он двозвонился до Катерины! Они пообщались еще какое-то время, потом Катя все же сумела убедить парня, что, во-первых, она никак не может переехать жить к Игорю, поскольку у нее своя семья есть, да и помногу она с ним говорить не может, потому как очень занята. И постепенно любовь Игоря к тете Кате сошла на нет. А летом, будучи на даче, он влюбился уже в свою ровесницу. Но это уже совсем другая история...

Невидадь на Долгом

Однажды я, как обычно, отправился на рыбалку на пойменное озеро Долгое, это на Иртыше. Ну, может быть, чуть позже обычного, когда солнце уже не просто застенчиво выглядывало из-за краешка горизонта, а уже смело встало во весь свой круглый рост и щедро испускало теплые и ласковые лучи. И вот когда я стал подходить к известному среди пятиречья месту озера, именуемому Красеньким песочком (бьющий в этом месте из крутого склона особенно мощный ключ натаскал на берег озера много железистого и оттого красноватого песка, образовавшего очень удобный для ныряния с него мыс), еще издалека заметил, что вся округлая кромка песчаного мыса выглядит необычайно темной, почти черной.

Ничего не понимая, я даже бросил недокуренную сигарету и ускорил шаг, стараясь все же при этом не шуметь. И когда тропинка уже сворачивала к Красенькому песочку, до которого оставалось, может быть, метров пятнадцать, я своим, тогда еще молодым и цепким взором, выхватил вот такую картину: все полукружие обширного песчаного мыса у самой воды было плотно, как мухами, облеплено... раками! Выложив свои клешни на песок, они смиренно сидели, если можно так сказать, плечо к плечу на мелководье и грелись в ласковых лучах еще нежаркого солнца. И раков этих было, по меньшей мере, штук сто-сто пятьдесят.

Конечно, если бы они мне позволили, я бы их пересчитал. Но при виде такой поразительной картины я от неожиданности уронил пустое ведро, с которым всегда ходил на рыбалку (и нередко возвращался домой с наполненным!). Чертово ведро, гремя, покатило вниз, к той самой клешнястой темной кайме. И песчаный мыс мгновенно взорвался: десятки раков одновременно шлепнули по воде перепончатыми хвостами и тут же стремительно исчезли в глубине озера. Лишь помутившаяся и вспенившаяся у берега вода свидетельствовала, что мне все это не привиделось: только что здесь сидели десятки раков и принимали солнечную ванну (а может, не просто грелись, а обсуждали на берегу какой-то очень важный для них вопрос?).

Больше ничего подобного я в своей жизни не видел. И это незабываемое и загадочное зрелище, которое до сих пор стоит у меня перед глазами, мне подарило мое любимое озеро Долгое.

Ива

Ивушка зеленая, Над водой склоненная...

Ива – это дерево моего детства. Верба, тальник, ветла – это все она, ива, с которой ежедневно сталкивались и сталкиваются мои земляки, жители прииртышского села Пятерыжск, с самого своего рождения. Когда-то здесь для баюкания младенцев зыбки плелись из лозы, не говоря уж о корзинах (сегодня это мастерство в нашем селе утрачено, так как все можно купить в магазине). Удобные кузова-кошевки на бричках также мастерились из лозняка. Изгороди вокруг усадеб, огородов тоже плелись из нее, из лозы и так и назывались – плетни. Даже дома ставились с двойными стенами, сплетенными из лозы и набитыми в промежутке землей!

А мордушки для ловли чебачков! Я сам мог плести их – научился у соседа, дяди Толи Маковенко, и одно время ставил их на Иртыше за Рощей, ездил через день проверять на велосипеде и никто не возвращался без улова. Даже подъязки попадались!

Кстати, я не случайно написал слово Роща с большой буквы. Так издревле называется небольшой участок ивового леса на Иртыше под старым берегом напротив нашего села – не просто как обозначение, а именем собственным – Роща. Ивовые леса тянутся длинной и почти непрерывной лентой по обоим берегам Иртыша, пересекая границу Казахстана и убегая вместе с рекой в Россию, к могучей Оби.

Нашей Роще уже много лет. Вообще, как выяснилось, ивы, они же ветлы, могут жить по 100—120 лет и за этот срок вырастают в толстые, кряжистые и раскидистые деревья с грубой рельефной корой и пышной кроной. Вот эти-то богатыри, в несколько мальчишеских обхватов, мы, пацаны, и облюбовали для своих летних забав. Интернета у нас тогда не было, телевиде-

ние в 60-е к нам еще тоже запаздывало, вот мы и проводили свое свободное время в летние каникулы на пойменных озерах, на Иртыше и, конечно, в Роще.

Мы вырезали из молодого тальника, примыкающего к Роще... Да, вы никогда не пытались продирайтесь сквозь тальниковые заросли? О это, то еще приключение! Тальник, то есть подрастающий ивняк, стоит двух-трехметровым частоколом, настолько плотным, что даже трава под ним не растет, и ветви его, усаженные узкими длинными листьями, шелестят где-то наверху. Стволы у молодого тальника гладкие, высокие и гибкие. Это, по сути, готовые удилица! Лишь подруби его снизу да зачисти ветви наверху, и готово гладкое длинное удилице, остается только просушить его да оснастить леской с крючком. А еще эти прутья вырубаются для плетения изгородей – впрочем, я уже упомянул об этом. И еще из них получаются замечательные шпаги и мечи! Вот за ними-то мы, как и за удилицами, и ходили в тальниковый подрост с трудом протискиваясь между плотно растущими зеленокорыми гладкими стволами.

Нарезав себе «шпаг», состругав с них кору и плотно обмотав рукояти шпагатом или просто тряпками, а еще соорудив гарду из жестяной крышки от стеклянных банок, мы самозабвенно, разделившись на противоборствующие отряды, фехтовали друг с другом под сенью вековых ветл. Или же одни «мушкетеры», взобравшись на их развилки из толстых ветвей по самодельным веревочным лестницам и втянув их наверх, отбивались от соперников, наседавших снизу. И в обычно тихой, спокойной Роще, тишину которой нарушало лишь щебетание птиц да гудение шмелей и пчел, перелетающих с цветка на цветок, забредших с яркой, зеленой луговины в лес, в такие эпические моменты эхо далеко окрест разносило вопли пацанов, их хохот, трескучие звуки ударов скрещивающихся «шпаг», «рапир», «мечей» – кто что себе смастерил из ивняка.

Да, а как же я мог забыть сплетенные из лозы в чаще ивняка балаганы, в которых мы, обычно трое-четверо пацанов, спасаясь от наседавших комаров дымом от разведенного костерка или же, чего уж там греха таить, дымком от папирос или сигарет, натыренных у отцов, рассказывали всяческие байки, анекдоты, обсуждали какие-то планы на ближайшие летние дни. В общем, вот такое оно, славное дерево ива, без которого я просто не могу себе представить свое детство, вообще всю свою жизнь на Иртыше

Пиши, Марат, пиши!..»

В моей жизни немало было учителей и преподавателей, но больше всех запомнилась именно она, Елизавета Михайловна Маковенко. Во-первых, она была необыкновенно умной. Потом, справедливой. И наконец, красивой и элегантной, хотя была всего лишь учительницей в маленькой сельской школе.

Днем учительница, а вечером – такая же сельская жительница, как все женщины нашего небольшого села Пятерьжск на крутом песчаном берегу Иртыша. Ей и корову надо было подоить, и яйца собрать в курятнике, и дома прибраться, и проследить за тем, чтобы двое ее детей, дочь Валя (красавица, вся в маму) и сын Сашка (Сашка, не ревнуй – ты тоже симпатичный малый, хоть и в папу) были всегда чистенько и опрятно одеты, чтобы уроки выучили вовремя, потому что ответственность на них была двойная – они же дети учительницы, а затем и директрисы, ставшей ею после отъезда прежнего директора, Николая Даниловича Грицаца, на работу в райцентр. Они по определению не могли плохо учиться! И Валя была отличницей, а Сашка – хорошистом.

Маковенко были нашими соседями, наши родители общались, а мы, их дети, дружили. Может, поэтому я тоже стал хорошистом. И особенно полюбил русский язык и литературу, которые у нас вела она, Елизавета Михайловна. У меня получались хорошие сочинения, и случалось, Елизавета Михайловна даже зачитывала их вслух перед классом, а я в это время был весь красный и от неловкости, и от удовольствия. А она говорила мне: «Пиши, Марат, пиши, может, что и получится у тебя». Я не понимал тогда, что она имела в виду, но соглашался: «Хорошо, буду!»

Знаю, что Елизавету Михайловну любил не один я – весь класс смотрел ей в рот, когда она, всегда выглядывшая нарядной, красивым, мелодичным голосом вела свои уроки, которые легко запоминались и усваивались. Конечно, Елизавета Михайловна могла быть и строгой – а как же без этого в классе, где всего пять послушных девчонок и одиннадцать непоседливых пацанов? Но если ругала, то только за дело, только за провинность, а не потому, например, что у нее с утра дурное настроение (хотя я такого не припомню).

Семья Маковенко уехала в Павлодар где-то в 66- или 67-м году, точно не помню. И я не видел их несколько лет. За это время поучился в Иртышской средней школе №3, поработал на заводе ЖБИ, отслужил в армии, вернулся обратно в свое село, устроился в полеводческую бригаду сварщиком и время от времени продолжал писать и даже отсылать свои рассказы в районную газету. А меня однажды взяли и напечатали! А потом еще раз, еще и еще. А потом вообще забрали работать в газету. И вот тогда я вспомнил слова Елизаветы Михайловны: «Пиши, может, что и получится...»

И в семидесятые годы я все же еще раз увидел свою любимую учительницу. По делам газеты был в Павлодаре, заранее запасся адресом Маковенко (уж не помню, кто мне его дал). Дома я их застал всех, кроме Сашки (он в это время жил в Новосибирске, что ли) – и дядю Толю, и Валю с ее мужем, и конечно, Елизавету Михайловну.

Она, к тому времени уже несколько располневшая, но не утратившая своей стати и привлекательности, близоруко, с прищуром всматривалась в меня, и потом совсем по-бабьи всплеснула руками:

– Марат! Мой хороший, ты откуда?

Но это она сказала так, для профформы. На самом деле Елизавета Михайловна знала про меня если не все, то многое, видела мои публикации в областной газете «Звезда Прииртышья» и была очень довольна мной, своим учеником. И когда мы, после небольшого застолья, ударились в воспоминания, Елизавета Михайловна вдруг опять всплеснула руками, встала из-за

стола и ушла в одну из комнат. Вернулась она с обыкновенной школьной тетрадкой. Показала мне ее обложку и, улыбаясь, спросила:

– Узнаешь?

Я впился глазами в «паспорт» тетрадки и узнал свой ломкий, неровный почерк, которым я подписал свою тетрадку по русскому языку, если не ошибаюсь, за пятый класс! Но это было еще не все. Елизавета Михайловна пролистала тетрадку и развернула ее ко мне выбранным местом.

И я снова узнал и свой почерк, и свое сочинение «Как я провел лето», снабженное еще и моим же рисунком цветными карандашами. Этот мой «опус» был признан тогда лучшим по школе и вроде бы даже был представлен на районную олимпиаду.

– Как, вы его сохранили? – удивился я.

– Конечно, – просто сказала Елизавета Михайловна. – И не раз перечитывала. Хочешь, еще раз прочитаю?

И Елизавета Михайловна при всех домочадцах, опять к необыкновенному моему удовольствию, зачитала мое сочинение о том, как я провел незабываемое лето 63-го или 64-го на зеленых лугах, на голубых озерах и на берегу Иртыша. Оно было наивным, то мое сочинение. Но от его простых слов, каких-то запоминающихся деталей, нескольких точных и красочных оборотов веяло такой свежестью, перед глазами вставала такая яркая летняя картинка из моего детства, что мне захотелось попросить у Елизаветы Михайловны отдать мне эту мою тетрадку. Насовсем.

Но моя учительница так бережно держала ее в своих руках с длинными тонкими пальцами, которые в школе я нередко видел выпачканными мелом или чернилами, что я не посмел.

Больше Елизавету Михайловну я не видел. Последние годы она жила со своей дочерью Валентиной в Ташкенте, где навсегда и упокоилась...

А я же все эти годы по ее настоянию и собственному хотению продолжал писать – сначала в газеты, потом в журналы, а там дело альманахов, коллективных сборников и даже собственных книг дошло. И если бы Елизавета Михайловна была жива сегодня и узнала, что ее любимый ученик уже значится в числе профессиональных литераторов, наверняка бы торжественно и с нескрываемым удовольствием сказала:

– Ну вот, я же знала, что у тебя получится. Молодец!

Александр Витковский

Я буду

Я буду любить тебя мысленно,
Со всей душой и искренне!
Ты единственная и желанная,
Ты счастье моё, долгожданное!

Ты навсегда со мной

Я в дорогу с собой возьму,
Всю силу любви твоей,
Через время и даль пронесу,
Свет ярчайший души твоей.

Буду вечно хранить тепло,
Не забуду все ласки твои,
Лишь дождь сейчас бьёт в стекло,
Но смыть он не сможет следы.

Будет вечно гореть наш огонь,
Не смогу я тебя разлюбить,
И пусть стучит дождь в стекло,
Мы сможем тепло сохранить.

Я в дорогу с собой возьму,
Всё тепло твоё, всю доброту,
Через время и даль пронесу,
Всё счастье, любовь всю твою.

Наш романс

На пюпитре старого рояля,
В свете догорающей свечи,
Нотная тетрадь твоя стояла,
Играя, тихо пела ты в ночи.

Звуки разливались мягким шёлком,
Пространство заполняя красотой,
Мы были в этом мире одиноки,
Объединила нас музыка собой.

Я слышал эти ноты чётко,
Сплели они классический романс,
Пропитанный надеждой и любовью,
Он всем смыслом так похож на нас.

Лара Голубь

Мастер – Лето

Мастер – Лето,
я Вас приглашаю к обеду;
Ваш походный сюртук
пахнет ранней весной;

не прощаясь
она упорхнет незаметно; —

юность, так и не ставшая
вашей женой.. Мастер – Лето; —

весна, вдохновение Мая,
пропись легкая, кисти невыцветшей дар;
Мастер – Лето,
дорожную краской светает
ее»

– кипельно нежный
вишне"вый муар.. Мастер – Лето;

чувствительный
тайне творения

пропитается
Ваш незатейливый фрак;

Воссияет прозрачная мудрость
дарения,

И застынет, слезой утончения..лак

Оксана Довгунец

Передышка

Блики радостей и болей
Погасила тишина.
Небывалого покоя,
Вдруг душа моя полна.
И тоска уйти смогла,
В дымке серой счастья вспышки.
Нет, она не умерла —
Это просто передышка.

Шрамы

Посмотри же на него внимательно,
В нём лишь бездны чёрной пустота...
Забывать его ты будешь так старательно,
Плакать, снова обещая: «Никогда!».

Только каждое твоё старание,
Станет новой фееричной драмой.
И финалом каждым в назидание,
Беречь ты будешь эти шрамы.

И конечно в новых неудачах
Обвинять ты будешь лишь его.
Ни герой, не принц он и не «мачо».
Но не надо больше сердцу никого...

Только толку, милая – напрасно
Не нужна, забыл уж про тебя.
Не желая верить, знала ты прекрасно,
Что любить способен только лишь себя

Бессонница

Диалоги с фантомами прошлого
Ты ведёшь в угоду бессоннице.
Что пришла тоскою непрошеной,
Надевая кольцо затворницы.

Нет не руки сжимает, не горло,
Душу жадную до прощения.
В голове крутит жуткие свёрла,
Говорит, как сладко отмщение.

Не давая заснуть, наслаждается,
Призывая все страхи и мУки.
Над потерей твоей издевается,
Без причины, так просто, от скуки.

И пока не дождется безжалостно
Злых рыданий до дрожи в груди,
Лишь тогда, оскалившись радостно,
Развернется, ты раньше не жди.

Запретное желание

Привыкла к одиночеству,
К страданию неизбежному.
И ничего не хочется,
В душе дожди по-прежнему.

Привыкла к новой боли,
Что истязает тело.
Её щипцы и колья,
Терплю теперь умело.

Привыкла быть сильнее,
Чужим не доверяться,
С собою быть честнее,
И реже улыбаться.

Но как же мне привыкнуть,
Без неба – не любя.
Из сердца как мне выгнать,
Желанье ждать тебя.

Распутье

Примеряла разные роли,
Потеряла себя, заблудилась.
От любви убежала на волю,
И впадала себе я в немилость.

Снова набело жить захотела,
Оказалось, что нету мечты.
Без мечты, тесны так пределы.
И невидно людской красоты.

Пустоту заполняю тревогой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.